

Философская антропология, философия культуры

УДК: 17.035.1:141.82:159.923.5

А. Е. Отина

(канд. филол. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

МЕТАМОРФОЗ СВЕРХЧЕЛОВЕКА ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье производится анализ двух принципиально различных стратегий отношения к значению, целям и самому процессу формирования будущего культуры в пространствах западной индивидуалистической цивилизации и советской колLECTIVISTСКОЙ культуры. Исследуются начала процессов и их взаимосвязь с итогами.

Ключевые слова: капиталистический индивидуализм, социалистический колLECTIVИЗМ, национально-сверхчеловеческое, культура воспитания масс.

A. E. Otina

(Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

THE METAMORPHOSIS OF THE SUPERHUMAN IN WESTERN CIVILISATION

Annotation. The article analyzes two fundamentally different strategies of attitude towards the meaning, goals and the very process of shaping the future of culture in the spaces of Western individualistic civilization and Soviet collectivistic culture. The beginning of processes and their relationship with the results are investigated.

Keywords: Capitalist individualism, Socialist collectivism, The national superhuman, culture of education the masses.

Новейшая история ознаменовалась столкновением эпох капиталистического индивидуализма и социалистического колLECTIVИЗМа, что определило сущностные различия в развитии соответствующих культур.

С одной стороны, ницшеанский Сверхчеловек, парадоксально преобразившийся в представителя массового общества, когда от образа, описанного Ницше с романтическим высокомерием, осталось одно лишь одиночество отдельного чело-

века среди такой же, в сущности атомизированной, массы подобных. С другой, феномен всенародной культуры в СССР как результат коллективной и системной культурной революции, коренных внутренних преобразований, направленных на просвещение всего народа – рабочих и колхозников, мужчин и женщин, детей и взрослых – преобразований, которые были разработаны В. И. Лениным.

Долгое время, начиная с эпохи Возрождения, культурным абсолютом которой стал человек индивидуальный и субъективный, человечество находилось под обаянием принципа индивидуализма, который в капиталистическом обществе породил идеологию либерализма и культ субъективных свобод. Экономические и политические войны, социальная стратификация и классовое противостояние, завуалированные капиталом уважением к индивидуальным свободам и субъективному дроблению ценностей, привели к глубокому кризису буржуазной культуры современного либерализма. Само понятие свободы превратилось в инструмент для манипулятивного управления массами, для омассовления культуры, в том числе для низведения общечеловеческой культуры в ее формах национальных культур до состояния обезличенной массовой культуры глобалистского образца.

На этом внешнем либеральном фоне за 70 лет своего существования СССР, чьи культурные идеи и воплощение их практики берут начало в теоретической и культурно-просветительской деятельности В. И. Ленина, сумел породить единую систему культуры (науки, образования, искусства), ориентированную на массу (советский народ), которая коренным образом отличается от массовой культуры релакса и является собой классический образец высокого культурного развития целого народа – единого и многонационального. Ленинские идеи колLECTивизма, всеобщего единого образования и переработки предшествующего опыта культурного развития (особенно классики) дали свои позитивные и беспрецедентные по значению и качеству плоды.

Все теории конца XIX - XX ст., которые так или иначе отступили от поиска единства и “единосущности” (Гете) мира, неизбежно ушли от принципа системности и сконцентрировались на какой-то одной из сторон бытия культуры. Достижения классики философской мысли эпохи Просвещения канули в Лету с эпохой экспансии капитала.

“Абсолютная природа” человека у Гегеля, ноуменальная погруженность человека у Канта – апофеоз человечности в западноевропейской философской антропологии, явленный немецкой классической философией. Для немецких просветителей человек не только духовен, но и является воплощением происходящих от Духа законов (Кант) и Духа как такового в его оживленном в человеке и имманентном самому себе единстве (Гегель). Присутствие в человеке Духа и есть человеческое, исходя из онтологии немецкой классической философии. Удалить из человека Дух означает убрать из него человеческое и человечность. Возможно это, или нет, и что будет с человечеством в результате изъятия из него Духа? Этот вопрос встал перед

западноевропейской философией с того момента, когда возник водораздел между течениями Нового времени и Новейшей истории.

Одним из первых, но сразу и мощно резонирующих ударов по обретенному и осознанному западной философией классическому единству, явилась крайне субъективистская философская беллетристика Ф. Ницше, состоящая в расшифровке образов-концепций “смерти Бога”, “переоценки всех ценностей” и “Сверхчеловека”.

В ряде работ (“Так говорил Заратустра”, “Человеческое, слишком человеческое”, “Рождение трагедии из духа музыки” и др.) Фридрих Ницше провозгласил идеи “смерти Бога” (“Бог умер”), “переоценки всех ценностей”, связанных с христианской картиной мира, и “Сверхчеловека” – всемогущего и редкостного представителя элиты, интуита и интеллектуала, находящегося над остальным безликим большинством.

Антропология Ницше напрямую связана с его культурологией и сводится к тому, что культура – обман, завлекающий человека в оградительные рамки и наносящий ему вред. Культура по Ницше вредна, так как она изобретает свой язык и скрывает от человека истинную сущность вещей и жизни, навязывает придуманную мораль и ослабляет “волю к власти”. “Воля к могуществу”, “воля к власти” – единственный несомненный закон жизни, утверждает немецкий мыслитель. В своей работе “Рождение трагедии из духа музыки” Ницше в самом историческом процессе усматривает лишь этапы искажения реальности, к которым относит как сократическую философию, так и христианство, подменяющее истинную жизнь с ее импульсами бесконечной волевой экспансии сдерживающими мифами рая и ада.

Отрицание культуры и морали, как и системности в науке – всего, что отвергает “Сверхчеловек” – сопровождается у Ницше мыслями о том, что подобному сверхвиду человека, к которому Ницше относил и себя самого, следует проживать недолгую жизнь, причем желательно в страданиях и их преодолении (влияние С. Кьеркегора). Но речь здесь идет не об очистительном христианском страдании, а о проекции частных переживаний автора страстей по Сверхчеловеку, исходящих из болезни и личных неудач, в пространство надуманной им модели бытия “Сверхчеловека”. Страдание “Сверхчеловека” – некое орудие для совершенствования той самой “воли к могуществу”, которая сама себе абсолют, начало и конец, исходное и результат. Т. е. по сути это просто боль, не во имя чего-либо другого, кроме как прикрытия – некой красивой идеи свободы, маскирующей болезненность и распад.

При этом идея очистительного христианского страдания, такого, например, как испытывают герои Ф.М. Достоевского, которых, кстати, Ф. Ницше неоднократно упоминал, противна немецкому автору. Человек, а тем более “Сверхчеловек” Ницше – антихристианин, и любая христианская идея, а тем более идея искупительной жертвы Христа и страдания, очищающего душу во имя любви, претит автору “Антихриста” и “Так говорил Заратустра”. Соответственно, герои русского писателя, которые все до единого (не только Соня Мармеладова, Алеша Карамазов

или князь Мышкин) включены в контекст Евангельского мира, в испытания как преступлением, так и покаянием, не могли произвести на Ницше иного впечатления, кроме как скопища болезненных изгоев. Так в “Антихристе” очень эмоционально говорится о “болезненном и странном мире, в который нас вводят евангелия, мире, где, как в одном русском романе, представлены, словно на подбор отбросы общества, нервные болезни и детский идиотизм” [5, с. 650]. Сразу создается впечатление, что Ницше читал не Достоевского, а какой-нибудь роман из направления сурогового натурализма, наподобие “Жерминаля” Э. Золя. Но это только поверхностное впечатление от слов немецкого читателя Достоевского, так как Ницше всю столь тягостную для его восприятия картину, представленную в романе русского писателя, подчеркнуто соотносит именно с “миром, в который вводят нас евангелия”, то есть со всем евангельским контекстом, который при всей своей необычности смог воплотиться в “Преступлении и наказании”, “Братьях Карамазовых” и “Идиоте” Ф. М. Достоевского.

Идея страдания во имя кого-то или чего-то непонятна Ницше в первую очередь в силу своего христианского происхождения, но и идея самопожертвования неприемлема для ницшеанства, так как она не соотносится со свободой Сверхчеловека. Другое дело – страдания ради себя самого, когда опыт преодоления боли способен привести к самосовершенствованию человека (“Что не убивает меня, делает меня сильнее”; “Если у человека есть “зачем” жить, он может выдержать любое “как””).

Рожден ли Ницше-философ тяготами болезни, либо теми самыми культурными реалиями, которые он столь энергично отрицал, не является первостепенным вопросом для понимания взглядов неистового немца, хотя и не стоит сбрасывать этот вопрос со счетов. Возможно, что амбиции ученого-сверхчеловека отражались в разбитом зеркале немецкой классической философии, в которой он никак не мог принять ни ее содержательных пластов, ни устремленности к единому и единству, ни системности как таковой, поскольку любая система, по мнению Ницше, искажает жизнь и подавляет “волю к могуществу”, “волю к власти”. Очевидно, что в зарождении феномена ницшеанства и его распространения в качестве влиятельной европейской идеологии нельзя забывать об объективной составляющей: сам “сверхчеловек” Ницше с его теорией “Сверхчеловека” был никем иным, как продуктом той самой картины мира современной ему европейской культуры, которую он столь яростно отрицал. Ведь XIX век – то время в хронотопе западноевропейской культуры, когда бывшая каноническая религиозная картина мира уступила место новой авторитетной научной картине мира. Происходила эта смена противоположности на противоположность под действием экспансивных и жестоких реалий бурно развивающейся общественно-экономической формации, которая принесла с собой данность социального и личностного отчуждения.

Конечно же следует отдать должное Ф. Ницше, который, пребывая в обществе, в жизни которого четко наблюдалась возрастающая сила массы, способной уничтожить все индивидуальное в культуре, почувствовал риски, исходящие от обезличенного массового начала этого общества, и в своем проекте “сверхчеловеческого” совершил попытку спасения индивидуально-творческого в культуре. Но по иронии судьбы, а на самом деле по внутренней логике самого ницшеанства, отрицающего общечеловеческую мораль как результат общественного опыта, выбора и соглашения, идеи Ницше оказались удобными как раз для трагически известного “восстания масс”, именуемого немецким фашизмом.

Ницше размножился и распространился в ницшеанстве. Его “Сверхчеловек”, являясь редким интуитом и единственным творцом, мыслит и творит не для человеческого, а для некоего сверхчеловеческого пространства, в котором нет никаких этических границ и моральной ответственности ни за что и ни перед кем, кроме как перед собственной локальной субъективной данностью. На самом деле все это – реальность существования толпы.

Не случайно у самого Ницше появляется парадоксальная апологетика преступника: “Тип преступника есть тип сильного человека, развивавшегося среди неблагоприятных условий, это доведенный до болезни сильный человек” [2, с. 151]. Происходит подмена сущностей “преступник” и “жертва”, когда *преступник мыслится не иначе как жертва несправедливых обстоятельств, мужественно против них восставшая*. Таким образом, сильный человек для Ницше – это агрессивный человек, наиболее близкий к вершине в цепи развития “животное – человек – сверхчеловек” и лишенный потребности в общественной морали как в ограничителе свободы.

“Сверхчеловек” Ницше – исключительная личность, отмеченная величием души. Он избранный. Но кем он избран? Не Богом, ведь “Бог умер”, и не людьми, так как “Сверхчеловек” не нуждается в признании толпы. Таким образом, он никто иной, как самозванец, самовыдвиженец. Кроме отрицания нравственного закона, провозглашенного христианством и немецкой философией до Ницше, ницшеанский персонаж имеет еще один отличительный признак: он должен обладать высоким социальным статусом – происходить из элитарных аристократических кругов, к которым Ницше относил и себя.

“Сверхчеловек” находится вне пределов добра и зла, вне дилеммы сущего и должного. И стоит только личности осуществить *преодоление в себе человека по отношению к себе и другим*, и она оказывается на пути к своему сверхчеловеческому. Преодоление человека по Ницше – единственно правильный благородный и высокий путь “преодоления человека самим человеком и в самом человеке”, конечная цель которого – стать “Сверхчеловеком” [3, с. 86].

Отрицая общечеловеческие ценности, считая культуру тюрьмой для главного инстинкта, порождаемого бытием, темницей, выстроенной самим человеком по

слабости своей, Ницше призывает к отрицанию всего культурно-исторического прошлого, да и современного личности настоящего в придачу, во имя появления Сверхчеловека и субъективной сверхчеловеческой морали – сверхчеловеческого (всегда меньшинства и всегда элитарного). При этом никакой модели существования такого мира, кроме того, что он будет не единым, а разъятым, обезличенным отсутствием ценностей, Ницше не предлагает, хотя почему-то не причисляет себя и к нигилистам: "...Глаз нигилиста идеализирует в сторону безобразия" [2, с. 74]. Т. о. Ницше отрицает не все, но все, произведенное культурой. Он вовсе не отвергает жизнь, наоборот провозглашает ее абсолютной самоценностью, при этом приписывая биологическому качеству врожденной морали. Исследуя провозглашенный абсолют, Ницше пытается отыскать его главный закон, основной инстинкт жизни и приходит к выводу, что этот закон – "воля к могуществу", "воля к власти".

О феномене трансформации сверхчеловеческого в национально-сверхчеловеческое, который случился на родине Ф. Ницше, написано много, и произошла эта трансформация закономерно, поскольку общество, отказавшееся от общечеловеческой морали, заключенной в кантовском категорическом императиве, приходит к морали исключительности. Так и появился фашизм, немецкий национал-социализм, оксюморон, кентавр человека и массы, вероятно вызвавший бы удивление у самого Ф. Ницше.

Начиная со времени зарождения капиталистических отношений и буржуазной культуры с соответствующим ей пониманием человека и человеческого, ингредиент субъективности в общекультурном пространстве возрастал с увеличенной, по сравнению с предыдущими периодами, скоростью. Секуляризация мира, свобода научного знания и реалии капиталистического бытия привели к разрушению связи "творец – творение", когда творцом уже не мыслится ни космос, ни природа, ни Бог. В прошлое кануло возрожденческое восхищение человеком-творцом. Буржуазный либерализм сделал свое дело, подменив нравственный закон якобы свободой, которой на самом деле и быть не может в системе капитализма, это обычное ухищрение, игра подмен, удобная капиталу. Акценты сместились в сторону человека единичного, локального, одинокого, атомизированного и субъективного. Парадоксальным образом в обществе одиноких людей, в атомизированном социуме предельного индивидуализма различия между людьми стираются, так как *одиноки все и атомизированы все – в этом нет уже индивидуализма*.

В XX веке, когда индивидуализм получает полную легализацию в социальной, философской, политической и художественной реальности, из-за кулис картины мира западноевропейской цивилизации "вдруг" появляется толпа, *массовость которой как будто бы становится заметной впервые*. Причем сей бенефициант на сцене культурного пространства Запада воспринимается его лучшими представителями как нечто угрожающее.

Угроза расчеловечивания, выхолащивания человеческого содержания из картины мира современной цивилизации обрела плоть и кровь в массе, явившейся на смену родовой общности, родового общечеловеческого единства и культуры как единого воспроизводящего и совершенствующего однажды обретенное “разумное – доброе – вечное”. Там, где есть масса, нет места единству. Масса – антагонист не только личности, но и коллектива. *Масса – не единство по сути, она лишь временное объединение по форме.* Масса распадается и забывает о себе самой в тот момент, когда ее потребности удовлетворены, цели тех, кто ею управляет, достигнуты, и потребность в ней исчерпалась, либо при ее уничтожении. Однако если те мотивы, которые организовали людей в массу, не нашли желанного вознаграждения, если декларации ее управителей не подтверждаются удовлетворяющими массу результатами, то толпа в своем своеолии, в помножившейся на массу воле к воле к власти Ницше, исключая всякую мораль, становится самоценностью, сметающей на пути все, включая собственных создателей.

Масса, как это ни парадоксально, – продукт культивирования индивидуализма, результат распада “единосущности мира”, забвения нравственного закона как единственного этического начала, конституирующего человеческий род. Масса – массовое сознание, “вторжение архетипов”, “восстание масс”, массовая культура – повсеместная массовизация культуры, начавшаяся в XX веке и набирающая обороты сегодня. Она уже обрела форму глобализации, и что будет дальше, трудно предположить в мире, где скоро “... человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке” [6].

По иронии судьбы, индивидуализированный, элитарный, эксклюзивный “Сверхчеловек” Ницше, преобразившись под натиском реальности экономической и производственной жизни, нашел свое искаженное воплощение в “человеке-массы”, в сотканном по ”арийской мерке” представителе германского нацизма, в котором индивидуальность, исключительность сверхчеловеческого определялась расовыми сверхзадачами, принадлежностью к высшей расе и к ведущей в ней нации, т. е. признаками расово-биологического единства, которые оказались достаточными для объединения в сверхчеловеческую компанию.

“Восстание масс” Х. Ортеги-и-Гассета, “Век толпы” С. Московича – уже в названии этих книг заключено определение нового по качеству периода культуры и характера этой культуры – экспансивного и угрожающего уже не только индивидуальности, но и человеку.

Масса как герой времени, как предельно индивидуализированный субъект, является порождением реальности отчуждения – экономического, социального, психологического. При уже свершившемся крушении единства культуры классического образца и неудаче более поздних попыток обрести новые конституирующие стандарты, на которых должна была выстроиться картина мира “неклассической” [4] философии XIX-XX века, современная западноевропейская цивилизация, сле-

дующая собственной формальной логике развития, закономерно пришла к своему “постнеклассическому” [4] состоянию, которое нашло выражение в философии и художественной практике постмодернизма.

При этом культура, возникшая в СССР, это была культура *воспитания масс*, основанная на высоком идеале как коммунистического единства, так и классики. Возражая пролеткультовцам, призывавшим отказаться от предшествующей социалистической культуре классики, В. И. Ленин настаивал на введении классических произведений как русских, так и зарубежных авторов, в программы народного образования, хотя и с обязательным новым переосмыслением. Отсюда и в советском искусстве сложность тем, глубина переживаемых как интеллектуально, так и душевно вопросов.

Классическая социалистическая культура (которая гораздо больше метода соцреализма) действительно взяла от классики самое важное – нравственный поиск, приверженность к вопросам смысла жизни, человечность и эстетическое совершенство. Это была подлинная народная классика, воплощенная в индивидуальных творениях. Отсюда в кинематографе “Летят журавли” Михаила Калатозова, “Андрей Рублев” Арсения Тарковского, фильмы Василия Шукшина, “А зори здесь тихие” Станислава Ростоцкого и многие другие шедевры. Что касается литературы, музыки, живописи, то количество шедевров потрясает.

Доступная всему народу классика времени СССР заставляла духовно трудиться, тогда как массовая культура, порожденная запросами продаж и рекламы капитала и направленная на бессознательное человека-массы, формирует людей совсем иного порядка, ясно описанных еще Х. Ортегой-и-Гассетом.

Культурная революция, которая охватила в СССР 20 – 30-е годы, представляла собой систему комплексных преобразований и мероприятий, направленных на создание культуры, отражающей интересы, чаяния и творческий дух трудового народа, построенной на идее борьбы пролетариата за социализм и социальную справедливость.

По убеждению Н. И. Бухарина именно в статье В. И. Ленина “Страницы из дневника” 1923 года, посвященной теме народного образования, вождем пролетариата была провозглашена культурная революция, которая логичным образом начиналась с плана народного образования. Именно на основе плана, очерченного Лениным в названной статье, начала свою просветительскую работу специально организованная комиссия, призванная организовать систему народного образования и просвещения.

Прежде всего, утверждал Ленин, необходимо всецело поощрять работу учителя и поднять престиж учительской профессии. Также первостепенной задачей народного образования являлась ликвидация грани между городом и деревней в пространстве образовательно-воспитательного процесса.

Как и в других сферах, в деле построения социалистической культуры, Ленин проявил себя как гениальный практик, наметив следующие практические шаги в деле революции в образовании: пересмотреть квартальные бюджеты, где “в первую голову” необходимо сократить расходы любых других ведомств, но только не Наркомпроса; не жалеть хлеба учителям; прививать в обществе уважение к учительскому труду; работать над внедрением повсеместной народной грамотности, что провозглашалось в качестве первостепенной задачи народного образования; “придать практической направленности образованию фабрично-заводской молодежи”; выковать тип “народного учителя”, способного стать “опорой советского строя”. Именно в народном учителе Ленин видел фигуру, способную перенести интерес крестьянства к союзу с буржуазией в плоскость союза с пролетариатом [1].

Грандиозный ленинский план был приведен в жизнь. В. И. Вернадский, который в начале революционных событий был удручен оттоком интеллектуальных кругов за границу, затем поражался быстрому формированию нового типа интеллектуальной элиты, состоящей из трудящихся, новых ученых, инженеров, агрономов и др. Несомненно, сегодня переосмысление советского опыта в сфере формирования культуры в целом и образования, в частности, не только назрело, но и обрело особую актуальность.

Библиографический список:

1. Ленин В. И. Страницы из дневника// Газета “Правда”, 2 января 1923 года.
2. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей/ Ф. Ницше. – М. , 1994. – 352 с.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра/ Ф. Ницше. – М., 1994. – 86 с.
4. Стёпин, В. С. Философия науки:// Электронная публикация: <https://gtmarket.ru/library/basis/532>
5. Nicshe F. Antihrist// Soch : V 2 t. T. 2, – М. – 692 с.
6. Foucault Michel. What is an Author? / Michel Foucault: // Эл. п.: https://www.open.edu/openlearn/pluginfile.php/624849/mod_resource/content/1/a840_1_michel_foucault.pdf

References:

1. Lenin V. I. Stranichku iz dnevnika [Pages from diary]// Newspaper Pravda, January 2 in 1923.
2. Nicshe F. Volya k vlasti [The will to power: The experience of reassessing all values]. Moscow, 1994. –352 c.
3. Nicshe F. Tak govoril Zarathustra [Thus spoke Zarathustra]. Moscow, 1994. – 86 c.
4. Styopin, V. S. Filosofiya nauki:// Elektronnaya publikacii: <https://gtmarket.ru/library/basis/532>
5. Nicshe F. Antihrist// Soch : V 2 t. T. 2, – М. – 692 с.
6. Foucault Michel. What is an Author? / Michel Foucault: // Эл. п.: https://www.open.edu/openlearn/pluginfile.php/624849/mod_resource/content/1/a840_1_michel_foucault.pdf